

— Приятного аппетита, — хором ответили они.

Мы вчетвером расселись по местам. Каэде, приготовившись покинуть зал, вдруг остановилась, услышав мой голос:

— Не уходи. Садись с нами, — я хлопнул ладонью по татами, указывая место рядом.

Её глаза расширились от удивления. Рэн выглядел не менее шокированным, Хиро, напротив, едва сдерживал радостное возбуждение, а Харуто, будто ничего не произошло, уже тянулся палочками к запечённой курице.

— Не смотрите на меня так, — сказал я, разведя руками. — Каэде — один из самых близких мне людей. Она была рядом с самого моего рождения.

Каэде, как казалось, вела внутри себя ожесточённую борьбу, но в конце концов, подчиняясь какой-то внутренней мысли, медленно опустила за стол.

— Приятного аппетита, — прошептала она едва слышно.

Трапеза началась. Кто-то ел аккуратно, как Каэде и Рэн, а кто-то... совсем наоборот. Харуто старался умудриться за один раз набить рот едой, что заставляло Рэна периодически щёлкать его своими палочками по рукам, демонстрируя пример идеального этикета. Он медленно накладывал еду на свою тарелку, а затем методично ел, сохраняя безупречную осанку.

Хиро проявлял свой избирательный подход — он тщательно осматривал каждый кусок перед тем, как положить его себе в рот. Каэде, сидя по правую руку от меня, старалась занимать как можно меньше пространства: её движения были сдержанными, кусочки еды — крохотными, а жевала она так долго, что могло показаться, будто еда сама растворяется во рту.

Я наблюдал за всеми. Эти люди — мои соратники, мои подчинённые, моя команда. Пусть их немного, но каждый из них был уникальной личностью, которая будет крайне важна для моих грядущих планов.

Когда я закончил, аккуратно отложил палочки в сторону и поднялся.

— Ладно, я наелся. Вы продолжайте, а я пойду, — сказал я, но сразу понял, что не учёл одну важную деталь. Каэде моментально встала, готовая следовать за мной.

— Тебя это тоже касается, Каэде, — добавил я, строго глядя на неё.

— Но, господин! — её обычно спокойное выражение лица сменилось удивлением.

— Возражения не принимаются, — твёрдо отрезал я, направляясь к двери. — Я собираюсь пройтись один.

После секундной паузы я добавил, чуть смягчив тон:

— Потом вернусь в свою комнату. Можешь ждать меня там.

Она выглядела крайне недовольной, но я проигнорировал её взгляд. Подойдя к двери, я взял зонтик и, выйдя на улицу, бросил через плечо:

— Увидимся завтра!

Дождь стал лёгкой моросью, а воздух наполнился свежестью. Тучи всё ещё висели на горизонте, но их тяжёлый серый цвет начал растворяться, уступая место свету.

—

Прогуливаясь между домами, я время от времени заглядывал во внутренние сады, наслаждаясь их спокойствием. Однако постоянные поклоны слуг начинали утомлять. В какой-то момент мне показалось, что от всех этих кивков моя голова вот-вот оторвется, я начал понимать почему короли в фильмах, зачастую, не отвечают на поклоны.

Когда дождь окончательно стих, я вдруг услышал мелодию струнного инструмента. Эта музыка завораживала, словно не позволяя мысли уйти в сторону, требуя слушать её до конца. Пойманный на крючок, я пошёл на звук.

Завороженный, я не заметил, как садовник и несколько служанок, замерев на мгновение, обменялись короткими улыбками и вновь вернулись к работе. Казалось, мелодия оказывала влияние не только на меня.

Звук привел меня к саду, где на небольшом деревянном подиуме сидела женщина. Ее длинные серебристые волосы падали мягкими волнами, несколько локонов были собраны в изысканный пучок, украшенный заколкой с изумрудной инкрустацией. В руках она держала сямисен — традиционный японский инструмент, напоминающий лютню.

Эта женщина была моей матерью, женой дайме Страны Дождя.

Когда я попытался подойти ближе, моя нога угодила в лужу, и резкий всплеск прервал её игру. Женщина открыла глаза, но вместо недовольства на её лице появилась теплая, мягкая улыбка. Она поманила меня рукой.

Я приблизился и сел рядом, чувствуя лёгкое смущение:

— Упс, прости, ма...

— Ничего страшного, — ответила она спокойно, протянув изящную, словно фарфоровую, руку, чтобы погладить меня по голове.

Я не стал уклоняться. Её прикосновение, лёгкое и тёплое, вызвало лавину воспоминаний. Казалось, вся жизнь этого тела вращалась вокруг неё. Её улыбка, её голос, её заботливые руки — всё это занимало почти всё пространство в памяти.

Для этого ребёнка она была центром его маленького мира, его защитой и покоем, единственным неизменным светом в буре непонимания.

Когда её пальцы мягко коснулись моей головы, внутри что-то оттаяло, и я невольно улыбнулся. Это было тепло, которое невозможно забыть, — чистая, безусловная любовь.

— Как прошёл твой обед? Мы с отцом очень волновались за тебя, — в её глазах промелькнуло беспокойство.

— А! Ха-ха, всё вышло спонтанно, но было замечательно! Они чудесные люди. Видела бы ты лицо Каэде, когда я позвал ее за стол. — Я постарался спародировать ее недоумение.

— Ха-ха-ха, — её смех был легким, как весенний ветерок, и даже это простое действие было полно элегантности, — Я рада за тебя, сынок, но ты должен понимать: когда делишь с кем-то пищу, это большая ответственность.

— Почему, мам? — даже моё взрослое сознание не могло уловить, почему обычный обед превращается в нечто столь важное.

— Это древняя традиция, — ответила она с лёгкой грустью в голосе. — Она символизирует мир и единство внутри дома. Каждый, кто садится за твой стол, должен чувствовать себя защищенным и неприкосновенным. Можешь ли ты взять на себя такую ответственность?

Я задумался. Для человека XXI века это звучало непривычно, но, размышляя об окружающих, понял: традиция сама по себе несла глубокий смысл и это не было плохо. Вероятно, самураи и Каэде тоже оценили это, если знали скрытую суть.

— Да, матушка, я могу! — стараясь звучать уверенно, я выпрямился, чтобы выглядеть хоть немного серьезнее.

— Ах, какой милашка, — её лицо осветила нежная улыбка, и она притянула меня к себе в объятия.

В этот момент я был вынужден признать: со стороны трёхлетний ребёнок, пытающийся так

серьёзно говорить, действительно выглядел умильно.

—

— Ма, а откуда ты? — внезапно спросил я, затронув тему, о которой раньше не задумывался. — Почему у нас серебристые волосы, как у дедушки Сейджи?

Амагири Сейджи, советник Дайме и двоюродный дядя моего отца, запомнился мне как добрый старик с тёплой улыбкой и мягким голосом, которого часто можно было встретить в зале совещаний.

— До встречи с твоим отцом я жила в стране Железа и была дочерью главы клана самураев, — мать, слегка приподняв голову, начала свой рассказ. — Серебристые волосы — это отличительная черта нашего рода.

— Правда? А какого? — мой интерес разгорелся сильнее. — У кого ещё такие красивые волосы?

— Клан Хатаке. Очень древний род самураев, которые издавна защищали своего Дайме, — ее губы изогнулись в лёгкой, но будто печальной улыбке. — Но всё изменилось. Когда я была ещё девочкой, на Дайме совершили покушение, это были ниндзя. Дайме погиб, а его наследник возложил всю вину на мой клан.

Её голос затих, а пальцы, такие же изящные, как лепестки, медленно перебирали струны сямисэна. В минорных звуках проскользнула грусть.

— Чтобы смыть это позорное обвинение, большинство самураев, включая твоего деда, совершили сеппуку. Оставшиеся переселились на окраины, откуда их уже никто не слышал. А меня отец отправил сюда, в страну Дождя, отдав в жёны твоему отцу, который тогда только стал Дайме.

Ее слова прозвучали тяжело. Я заметил, как легкая дрожь пробежала по её рукам, когда она снова коснулась струн. Не зная, как справиться с её болью, я просто обнял её, крепко и искренне, словно пытаюсь впитать её печаль в себя.

— Это всё уже история, — наконец произнесла она, немного успокоившись. — Твой дед ушёл, не запятнав чести самурая.

Но её слова оставили во мне странное ощущение. История показалась мне жестокой и непонятной. Как можно было смириться с таким обвинением, не попытаться доказать свою невиновность? Неужели честь важнее жизни?

— Я всё ещё не понимаю, — пробормотал я, глядя на ее задумчивое лицо. — Разве это правильно? Они ведь совершили ошибку не одни, а где были остальные? Почему никто их не поддержал?

Она ничего не ответила. Её взгляд был направлен вдаль, как будто видел перед собой всё то прошлое, от которого уже невозможно было убежать.

///

П.А.: На этой грустной ноте, сообщаю вам что мотивация закончилась, и я жду ваших комментариев!

<http://tl.rulate.ru/book/123945/5214354>